

Генеральная Ассамблея

Distr.
GENERAL

A/CN.4/453/Add.2
8 June 1993

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Сорок пятая сессия
3 мая - 23 июля 1993 года

ПЯТЫЙ ДОКЛАД ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ,
подготовленный

Специальным докладчиком, г-ном Гаэтано АРАНДЖИО-РУИСОМ

Добавление

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Глава</u>	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
II. Последствия так называемых международных "преступлений" государств (статья 19 Части первой проектов статей)	1 - 58	3
Предварительные замечания	1 - 3	3
Раздел 1. Проблемы, порождаемые "особым режимом" преступлений в работе КМП по вопросу об ответственности государств и выявленные в Комиссии международного права, в Шестом комитете и в научной литературе	4 - 58	4
А. Введение	4 - 7	4
В. "Особые" последствия преступлений в работе КМП	8 - 31	5
1. Первое упоминание об этом вопросе	8 - 10	5
2. Комментарий к статье 19	11	6

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

<u>Глава</u>	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
3. Обсуждение статьи 19	12 - 14	7
4. Комментарий к статьям 30 и 34	15 - 18	9
5. Резюме	19	10
6. Предложения 1984-1985 годов	20 - 26	11
7. Обсуждение в Комиссии международного права предложений 1984-1985 годов	27 - 30	15
8. Краткое изложение позиции Комиссии международного права	31	17
C. Реакция государств в Шестом комитете ...	32 - 39	18
1. Проблема уголовной ответственности	32 - 34	18
2. "Материальные" последствия преступлений	35	19
3. Faculté на ответные меры	36	20
4. Роль "организованного международного сообщества"	37 - 38	20
5. Краткое изложение позиций государств в Шестом комитете	39	21
D. Мнения ученых	40 - 58	22
1. Введение	40	22
2. Взаимоотношения между правонарушителем и жертвой	41 - 45	22
3. Взаимоотношения между правонарушителем и государствами, которым был причинен "непрямой" ущерб	46 - 50	25
4. Роль "организованного международного сообщества"	51 - 58	29

ГЛАВА II

ПОСЛЕДСТВИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ "ПРЕСТУПЛЕНИЙ" ГОСУДАРСТВ
(СТАТЬЯ 19 ЧАСТИ ПЕРВОЙ ПРОЕКТОВ СТАТЕЙ)Предварительные замечания

1. Специальный докладчик, признавая, что последствия противоправных деяний, квалифицируемых в качестве преступлений государств по статье 19 Части первой проектов статей, не являются более для него неизведанной областью, каковой они были в начале осуществления им своих полномочий, тем не менее отмечает, что он по-прежнему не может прийти к каким-либо заключениям ни по одному из трудных аспектов этого вопроса. Это относится к определению как существующего состояния права, так и возможных направлений его прогрессивного развития. На данном этапе мы можем оказать Комиссии наилучшую услугу тем, что попытаемся выявить и изучить вопросы для дальнейшего обсуждения. И лишь на основе выводов, полученных в результате надлежащего серьезного обсуждения в Комиссии или в Шестом комитете, мы сможем представить на следующей сессии после дополнительного изучения предварительные предложения и, возможно, проекты положений.

2. Мы, разумеется, имеем в виду определение последствий *de lege lata* или *ferenda* обсуждаемых противоправных деяний, различаемых в силу принятой в 1976 году простой терминологической дихотомии на такие правонарушения и другие международно-противоправные деяния. Хотя конкретный вопрос о самостоятельных последствиях "преступлений" рассматривался после 1976 года весьма часто в КМП и в Шестом комитете, в частности в рамках обсуждения проектов статей 14 и 15 Части второй и проекта статьи 4 b) Части третьей, представленных нашим предшественником, в конечном счете он не был рассмотрен по сути никаким органом. В частности, Комиссия не пошла дальше простой передачи вышеуказанных проектов статей в Редакционный комитет, который не принял по ним никаких решений. Несмотря на ценные предложения и обсуждение в 1985-1986 годах, правовые последствия международных "преступлений" государств, намеренно, хотя возможно и неосторожно, оставленные для более позднего обсуждения в момент принятия статьи 19 Части первой, были рассмотрены главным образом в весьма примечательных, пусть и не очень заметных, научных статьях по данному вопросу.

3. Учитывая эту провозглашенную цель, данная глава, во-первых, содержит в разделе 1 обзор мнений, которые были высказаны до сих пор относительно последствий международных "преступлений" государств в КМП, Шестом комитете и в научной литературе. Раздел 2 посвящен предварительному определению основных материальных и процедурных вопросов, с которыми сталкивается КМП при определении последствий вышеуказанных правонарушений с точки зрения как *lex lata*, так и *lex ferenda*. В разделе 3 содержатся в качестве выводов также предварительные соображения относительно достоинств теоретически построенных альтернативных решений этих вопросов, которые, как нам представляется, являются самыми важными и подлежат обсуждению в Комиссии. Само собой разумеется, даже перечень вопросов является далеко не исчерпывающим. Специальный докладчик надеется на помощь своих коллег в Комиссии и представителей в Шестом комитете, которые, возможно, захотят оказать столь необходимое ему содействие.

РАЗДЕЛ 1

ПРОБЛЕМЫ, ПОРОЖДАЕМЫЕ "ОСОБЫМ РЕЖИМОМ" ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РАБОТЕ КМП ПО ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ И ВЫЯВЛЕННЫЕ В КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, В ШЕСТОМ КОМИТЕТЕ И В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Введение

4. На своей двадцать восьмой сессии (1976 год) Комиссия международного права, приветствуя предложения Специального докладчика Р. Аго, приняла в первом чтении положение - статью 19 Части первой проектов статей об ответственности государств, - имеющее целью выделить среди международно-противоправных деяний "особый" класс нарушений, упоминаемых как "международные преступления".

5. Причины и практические соображения, которые привели Докладчика и Комиссию к тому, чтобы проводить различие между "преступлениями" и простыми "правонарушениями", весьма широко проиллюстрированы в документах, относящихся к работе этой сессии Комиссии, и поэтому мы можем просто отослать к ним читателя 1/. В любом случае следует подчеркнуть, что под "преступлениями" как термином, используемым в статье 19, Комиссия подразумевает все деяния, которые "международное сообщество в целом" рассматривает как тяжкие нарушения обязательств, столь основополагающих для обеспечения жизненно важных интересов этого сообщества. Комиссия пошла дальше, включив в неисчерпывающий список в качестве примеров противоправных деяний, которые при нынешнем (1976 год) состоянии международного права представляют собой "преступления" в указанном смысле: агрессию в качестве тяжкого нарушения обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения международного мира и безопасности; установление или сохранение силой колониального господства в качестве тяжкого нарушения обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения права народов на самоопределение; рабство, геноцид и апартеид в качестве тяжкого и массового нарушения обязательств, имеющих основополагающее значение для защиты человеческой личности; и массовое загрязнение атмосферы или морей в качестве тяжкого нарушения обязательства, имеющего основополагающее значение для сохранения и защиты окружающей среды 2/.

1/ См. Р. Аго "Пятый доклад по вопросу об ответственности государств" (Ежегодник..., 1976 год, том II, часть первая, пункты 79-154) и комментарий Комиссии к статье 19 (Ежегодник..., 1976 год, том II, часть вторая, стр. 110-141). Весьма ценный анализ понятия преступления и его последствий, обсуждавшегося и разработанного Комиссией, см. М. Spinedi, "International Crimes of State: The Legislative History", in International Crimes of State: a critical analysis of the ILC's draft article 19 on State responsibility, J.N.H. Weiler, A. Cassese, M. Spinedi eds., Berlin-New York, 1989, pp. 7-138.

2/ Полный текст статьи 19 см. Ежегодник..., 1976 год, том II, часть вторая, стр. 110.

6. Как указывалось Комиссией с самого начала, различие между "правонарушениями" и "преступлениями" имеет не только описательную, но также и главным образом нормативную ценность. Другими словами, это различие включено в проект, поскольку оно затрагивает дифференциацию "режимов ответственности". Ответственность за "преступления" влечет за собой правовые последствия, отличные (по крайней мере частично) и более строгие, чем последствия, порождаемые ответственностью "за правонарушения" 3/.

7. На последующих страницах мы попытаемся проанализировать: а) каким образом этот "особый" режим ответственности "за преступления" был постепенно разработан Комиссией в ходе ее работы над вопросом об ответственности; б) реакцию в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на мнения, высказанные в Комиссии международного права; и с) высказываемые в науке точки зрения в отношении содержания любого из положений проекта, имеющего отношение к последствиям международных преступлений государств.

В. "Особые" последствия преступлений в работе КМП

1. Первое упоминание об этом вопросе

8. Идея о дифференциации между режимами ответственности в зависимости от вида совершенного противоправного деяния возникла в самом начале работы Комиссии. Ее основным сторонником был Роберто Аго, который уже во время обсуждения на сессии 1969 года настаивал на необходимости принять во внимание различия, существующие между двумя классами противоправных деяний. В первый класс он включил менее тяжкие нарушения, которые порождают главным образом обязательство несущего ответственность государства произвести возмещение *lato sensu* и лишь в некоторых случаях, таких, как невыполнение этого обязательства, применение "санкций" против этого государства. Во второй класс он включил более тяжкие нарушения, в отношении которых угроза применения "санкций" допустима с самого начала, угроза, которая, однако, в таких случаях не зависит от исхода спорной процедуры относительно возмещения 4/. Это предложение было благоприятно встречено в Комиссии международного права, и ряд ее членов даже внес свой вклад в его более точную формулировку. Например, проф. Ушаков, предупредив, что о допустимости "санкций" военного характера можно говорить лишь в случае противоправных деяний, которые нарушают или ставят под угрозу международный мир и безопасность, подчеркнул прежде всего аспект *faculté* на ответные меры на противоправные деяния и отметил, что в случае нарушений жизненно важных интересов международного сообщества, такая *faculté* будет также затрагивать других субъектов, помимо "главной жертвы" противоправного деяния 5/. В том что касается этого последнего момента, то другие члены Комиссии отнеслись к нему положительно, заметив, однако, что государства, "не особенно затрагиваемые" нарушением, будут правомочны реагировать не *uti singuli*, а *uti universi* или, другими словами, во исполнение решения, принятого коллективно властями [*sic*], представляющими "международное сообщество в целом" 6/.

3/ См. в этой связи комментарий Комиссии к статье 19 (там же, стр. 135-136), особенно пункты 51-54.

4/ Yearbook ... 1969, p. 241, and Yearbook ... 1970, vol. I, p. 177.

5/ Yearbook ... 1969, vol. I, p. 112.

6/ Sette Camara, Yearbook ... 1970, vol. I, p. 184; Yasseen, *ibid.*, p. 190; Ustor, *ibid.*, p. 210; Ago, *ibid.*, p. 177, and Yearbook ... 1970, vol. II, pp. 184-185.

9. Как можно видеть, с самого начала стали вырисовываться две линии, по которым развивалась тема ответственности за особо тяжкие противоправные деяния: а) "суть" последствий, которые будут более серьезными, чем для других нарушений; и б) вид ответных действий, которые в случае противоправных деяний, затрагивающих жизненно важные интересы международного сообщества, будут, можно сказать, "распространенными" или просто всеобщими.

10. На основе положительных ответов, полученных в ходе вышеуказанных предварительных обсуждений, Специальный докладчик официально предложил ввести в проекты статей категорию более тяжких противоправных деяний, которые можно квалифицировать как "преступления" и к которым применим "особый" режим ответственности 7/. Это предложение было встречено с одобрением подавляющим большинством членов Комиссии 8/; настолько большим, что в 1976 году после обсуждения пятого доклада Р. Аго (конкретно посвященного проведению различия между противоправными деяниями в зависимости от предмета нарушенного обязательства и понятия "международного преступления" государства 9/), проект статьи 19 был принят в первом чтении 10/.

2. Комментарий к статье 19

11. Комментарий Комиссии к статье 19 в соответствии с докладом Специального докладчика рассматривает главным образом основания для деления международно-противоправных деяний на две самостоятельные концептуальные категории ("правонарушения" и "преступления"), оставляя проблему особых последствий последних для Части второй проекта. Однако в этом комментарии можно также найти по крайней мере три общих указания на "особый" режим ответственности, который, по мнению Комиссии, характеризует "преступления".

- i) Прежде всего утверждается, что различие между разными режимами ответственности - это различие, действующее в настоящее время в общем международном праве. Поэтому усилия, которые надлежит приложить Комиссии, будут состоять скорее в кодификации *lex lata*, нежели в разработке *de lege ferenda* 11/.

7/ Ежегодник ... 1973 год, том II, стр. 197.

8/ Там же, том I, стр. 7-16. Единственным выступившим против этого, был г-н Рейтер, там же, стр. 9.

9/ Ежегодник ... 1976 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/291 и Add.1 и 2, особенно пункты 79-155.

10/ Там же, том II, часть вторая, стр. 110-141. Оговорки в отношении этой статьи были высказаны лишь Кири, Цуруока и Рейтером (Ежегодник ... 1976 год, том I, стр. 22, 30 и 271, соответственно). Однако, как замечает Спинеди, "Они не оспаривают тот факт, что современное международное право приписывает некоторым особо тяжелым противоправным деяниям последствия, отличные от последствий, возникающих в связи со всеми другими противоправными деяниями. Они лишь ставят под сомнение полезность рассмотрения этих норм об особой ответственности в проекте статей, формулированием которых Комиссия занимается" (op. cit. (сноска 1 выше), p. 22).

11/ Ежегодник ... 1976 год, том II, часть вторая, пункт 54 комментария к статье 19.

- ii) Во-вторых, даже если в одно и то же положение с целью обеспечения примеров было включено несколько различных вариантов, таких, как агрессия, колониальное господство или массовое загрязнение, то это не означает, что они все влекут за собой одни и те же последствия: скорее всего режим "усугубленной" ответственности будет меняться в зависимости от преступления 12/.
- iii) В-третьих, Комиссия предостерегла, что кодификация "особого" режима ответственности не может каким-либо образом отходить от положений Устава, касающихся "некоторых деяний, предотвращение которых и наказание за которые специально оговорены. Поскольку некоторые положения Устава в настоящее время являются составной частью общего международного права в области, которой занимается Комиссия, эти положения логически и верно отражены в ее работе. В противном же случае, учитывая "особый" характер положений Устава и принимая во внимание его статью 103, эти положения всегда будут главенствовать над положениями общей конвенции о кодификации" 13/.

3. Обсуждение статьи 19

12. Дополнительные элементы, касающиеся сути "особых" последствий преступлений, могут быть получены из итогов обсуждения, которое произошло среди членов Комиссии, также в связи с обсуждением пятого доклада, подготовленного Р. Аго.

13. Например, Специальный докладчик заявил, что, по его мнению, в случае какого-либо преступления государство, ставшее жертвой нарушения, может, помимо требования о возмещении *lato sensu*, применить также "санкции" в отношении государства-правонарушителя. Это означает применение репрессалий, не только функционально относящихся к исполнению нарушенного первоначального обязательства или к возмещению, но и также просто к "назидательной" цели, хотя последняя, возможно, означает использование силы лишь в конкретных случаях 14/. Другие члены Комиссии также сослались на возможность применения "санкций" (в дополнение, очевидно, к требованию о возмещении) в случае преступлений, хотя они не разъяснили, что точно они имели в виду под понятием

12/ Там же, пункт 53. В этой связи следует, однако, отметить, что Комиссия сочла уместным скорректировать предложение Специального докладчика, который проводил различие между нарушениями обязательств, имеющих основополагающее значение для поддержания международного мира и безопасности, и другими нарушениями, влекущими за собой "крайние принудительные меры и санкции" (Ежегодник ... 1976 год, том II, часть первая, пункт 150).

13/ Ежегодник ... 1976 год, том II, часть вторая, пункт (55) комментария к статье 19.

14/ Ежегодник ... 1976 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/291 и Add.1 и 2, пункты 80 и последующие. В этой связи, однако, см. точку зрения, высказанную Р. Аго в Yearbook ... 1971, vol. II, Part One, pp. 206 et seq.

санкции" 15/. В этой связи, по-видимому, единственное, в чем сходилось большинство, заключалось в том, что лишь в случае агрессии, т.е. в порядке самообороны, допустимы принятые в одностороннем порядке меры с применением оружия 16/. Следует, однако, помнить о том, что еще ранее в комментарии к статье 1 Части первой Комиссия в целом высказалась следующим образом относительно смысла, придаваемого термину "санкции":

"Термин "санкция" используется здесь для описания меры, которая, хотя и не обязательно связана с применением силы, характеризуется, по крайней мере частично, тем, что ее конечной целью является наказание виновного. Она не преследует ту же цель, что принуждение для обеспечения выполнения обязательства или восстановления нарушенного права или возмещения или компенсации" 17/.

14. Что касается объема права на ответные меры (с мерами, не связанными с использованием вооруженных сил), некоторые члены Комиссии считали его достаточно широким для того, чтобы позволить в случае преступлений принять каждому государству меры даже в отсутствие решения какого-либо международного органа 18/, хотя другие утверждали, что коллективные или обобщенные меры, даже не затрагивающие применение вооруженной силы, допустимы лишь в том случае, если они предварительно разрешены и применяются под контролем компетентного международного органа и, более конкретно, Совета Безопасности 19/. Следует также подчеркнуть, что многие члены Комиссии без колебаний рассматривали некоторые меры, предусмотренные Уставом Организации Объединенных Наций, как

15/ Беджауи (Ежегодник ... 1976 год, том I, часть вторая, стр. 13); Ясин (там же, стр. 78); Хамбро (там же, стр. 80); Сетте Камара (там же, стр. 84); Мартинес Морено (там же, стр. 88); Рамангасоавина (там же, стр. 94); Билж (там же, стр. 109) и Кастаньеда (там же, стр. 306).

16/ Существенными в этом отношении являются замечания Кирни (там же, стр. 97, пункты 34-38) и Кастаньеда (там же, стр. 308, пункт 29).

17/ Ежегодник ... 1973 год, том II, стр. 202-203, пункт 5 комментария к статье 1.

18/ Аго (Ежегодник ... 1976 год, том I, стр. 23); Квентин-Бакстер (там же, стр. 99-100); Беджауи (там же, стр. 101, пункт 19); Кастаньеда (там же, стр. 309, пункт 30); и Ушаков (Yearbook ... 1969, vol. 1, p. 112).

19/ Так, совершенно очевидно, Сетте Камара (Ibid., p. 68) и, косвенно, Кирни подчеркнули различие между такой односторонней мерой и системой, предусмотренной в Уставе для поддержания международного мира и безопасности (Ibid., p. 77).

входящие в число наиболее типичных "широко распространенных и многосторонних" санкций, которые могут быть приняты в случае преступлений: либо "социальных" мер, подобно высылке или приостановлению, либо, в случае агрессии, мер, предусмотренных в главе VII 20/.

4. Комментарий к статьям 30 и 34

15. В отношении двух основных аспектов "особого" режима ответственности за "преступления" (более тяжелые последствия и распространение *faculté* на ответные меры) КМП также высказалось в связи с принятием в первом чтении проектов статей 30 и 34, соответственно касающихся "ответных мер" и "самообороны" как обстоятельств, исключаящих противоправность.

16. В комментарии к статье 30 она утверждала, например, что ответные меры могут означать не только "обеспечение исполнения", но и также "наказание" 21/. Принимаемые в ответ на некоторые противоправные деяния или при наличии некоторых обстоятельств, которые в комментарии, однако, не уточняются, ответные меры будут не просто иметь функцию обеспечения прекращения или возмещения *lato sensu*. Они могут также преследовать самостоятельную цель и могут быть поэтому приняты одновременно с выдвижением требования о прекращении или возмещении или даже после прекращения спорного разбирательства о возмещении. В том что касается существа ответных мер, то было подчеркнуто, что, за исключением случаев самообороны, ни одно противоправное деяние не может оправдывать применение односторонних мер, связанных с использованием вооруженной силы.

17. В том же комментарии к статье 30 в пункте 22 подчеркивается, что в силу решения какой-либо международной организации, выступающей против серьезного нарушения основополагающего обязательства, применение ответных мер возможно также со стороны государств, которым не был причинен прямой ущерб. Отступление может быть также сделано от таких общих норм или принципов, как предварительное требование о возмещении, пропорциональность и запрещение военных репрессалий. Однако ничего не говорится о возможности принятия ответных мер со стороны "косвенно" потерпевших государств *uti singuli*.

18. Рассматривая статью 34, некоторые члены Комиссии заметили, что применение мер с использованием вооруженных сил в порядке самообороны может быть оправдано не только в случае вооруженного нападения, но и также при ответе на другие противоправные деяния, состоящие в менее тяжких нарушениях, чем

20/ Аго (Ежегодник ... 1976 год, том I, стр. 73, 83, 110), Ясин (там же, стр. 78); Сетте Камара (там же, стр. 85); Вэллет (там же, стр. 86); Мартинес Морено (там же, стр. 88-89); Рамангасоавина (там же, стр. 95); Кирни (там же, стр. 96-97); Цуруока (там же, стр. 98); Россидес (там же, стр. 103-104); Уштор (там же, стр. 105-106); Эль-Эриан (там же, стр. 107-108); и Бильж (там же, стр. 109). Лишь Рейтер и Кастаньеда выразили сомнение в отношении правильности рассмотрения мер на основании Главы VII Устава как формы международной ответственности (там же, стр. 307 и стр. 312, соответственно).

21/ Ежегодник... 1979 год, том II, часть вторая, стр. 154, пункт 3 комментария к статье 30.

незаконное применение силы 22/. Как было подчеркнуто 23/, это предполагает, что широко поддерживаемая членами Комиссии идея о том, что данный тип противоправного деяния (агрессия и, согласно менее "ограничительным" мнениям, любое серьезное нарушение запрещения использования силы) может повлечь за собой последствия (применение вооруженных сил в порядке самообороны), отличные от и "усугубленные" по сравнению с последствиями, присущими другим международно-противоправным деяниям.

5. Резюме

19. Выводы работы Комиссии над Частью первой проектов статей могут быть сформулированы следующим образом:

- i) по мнению членов Комиссии, общее международное право уже предусматривает иной режим ответственности за виды противоправных деяний, указанные в статье 19;
- ii) такой режим не всегда одинаков, а меняется в зависимости от преступления, хотя он отличается по некоторым общим характеристикам от режима правонарушений;
- iii) среди преступлений лишь вооруженная агрессия (или, по мнению некоторых, серьезное нарушение запрещения угрозы силой или ее применения) оправдывает односторонние военные ответные меры в порядке индивидуальной или коллективной самообороны, как это предусмотрено общим международным правом и признано в статье 51 Устава;
- iv) преступление оправдывает принятие ответных мер (даже для других нежели просто цели "исполнение-компенсация" - хотя это ясно не указано в качестве отличительной особенности ответственности "за преступление") со стороны не только государства (если таковое имеется), главным образом пострадавшего в результате нарушения, но и также любого другого государства, каким-либо образом потерпевшего в результате противоправного деяния;
- v) хотя высказываются различные мнения относительно возможности для государств, которым не был причинен прямой ущерб, реагировать *uti singuli* на преступление посредством принятия односторонних мер, в Комиссии, по-видимому, имеется согласие в отношении того, что реакция таких государств может быть очень жесткой (в отступление, например, от принципов предварительного требования о возмещении и пропорциональности и от запрета применения военных ответных мер), если она следует вслед за решением коллективного компетентного органа урегулировать ситуацию, порожденную в результате преступления;

22/ Рейтер (Ежегодник..., 1980 год, том I, стр. 216-217); Диас Гонсалес (там же, стр. 250-251); Пинто (там же, стр. 253-254); и Табиби (там же, стр. 261).

23/ Спинеди (op. cit. (сноска 1, выше)), pp. 42 et seq., esp. 43.

- vi) меры, исходящие из "коллективного источника", которые могут быть приняты для наказания преступления в отличие от правонарушения, включают, в себя, по мнению большинства членов Комиссии, приостановление членства в Организации Объединенных Наций или исключение из Организации в соответствии со статьями 5 и 6 Устава, а также такие меры, какие Совет Безопасности может принять на основании главы VII.

6. Предложения 1984-1985 годов

20. В своих докладах по Части второй проф. Рифаген высказал мнение, во многих отношениях совпадающее с только что сформулированными выводами. Это особенно относится к предложению о том, что "международные преступления, перечисленные (в качестве возможных примеров) в пункте 3 статьи [19], не могут каждый влечь за собой те же новые правовые отношения 24/. Признавая это разнообразие последствий различных преступлений, Рифаген все же пытается выявить "элементы особых правовых последствий, общие для всех международных преступлений 25/, и в целом провести различие между режимом преступлений и режимом правонарушений".

21. В том, что касается обязательств государства-правонарушителя (которые приблизительно могут быть определены с помощью используемой нами терминологии как имеющие "материальные" последствия), Рифаген, по-видимому, не считает режим ответственности, возникающий в связи с преступлениями, как отличающийся от ответственности, возникающей в связи с правонарушениями. Обязательства прекратить нарушение, предоставить *restitutio in integrum* или компенсацию или предоставить соответствующие гарантии неповторения возлагаются, по мнению Рифагена, на государство-правонарушителя в результате совершения любого международно-противоправного деяния, будь то "правонарушение" либо "преступление" 26/. Более того, другие члены Комиссии, по-видимому, согласились с этой точкой зрения 27/.

22. С другой стороны, в том, что касается "процессуальных" последствий для так называемого "непосредственно" потерпевшего государства, они, по мнению Рифагена, отличаются лишь в случае агрессии от последствий, обычно проистекающих из "ординарных" противоправных деяний. В этом случае помимо того факта, что использование вооруженных сил в порядке самообороны оправдано, ответные меры, которые могут быть приняты "непосредственно" потерпевшим государством, фактически ограничены лишь принципом пропорциональности и

24/ Предварительный доклад (Ежегодник ..., 1980 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/333), пункт 98.

25/ Четвертый доклад (Ежегодник ..., 1983 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/362), пункт 58.

26/ Предварительный доклад (Ежегодник ..., 1980 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/330), стр. 121; и второй доклад (Ежегодник ..., 1981 год, том II, часть первая), стр. 98.

27/ Как отмечает Спинеди, "при рассмотрении особых форм ответственности за международные преступления [члены Комиссии] не имеют в виду новые обязательства государства, совершившего противоправное деяние" (op. cit.)

соблюдением *jus cogens* "с учетом", очевидно, "применения механизма Организации Объединенных Наций по поддержанию международного мира и безопасности" 28/. Однако в случае других преступлений, нежели агрессия, режим ответных мер, которые могут быть приняты потерпевшим государством, не отличается, по мнению Рифагена, от режима любого другого международно-противоправного деяния 29/. Другие же члены Комиссии согласились с тем, что связанные с использованием вооруженных сил ответные меры государства, которому был причинен прямой ущерб, допустимы лишь в порядке самообороны в случае агрессии 30/. Однако нам не кажется, что они высказались каким-либо образом в отношении различия между режимом контрмер, доступных такому государству в случае других преступлений, и режимом ответных мер в случае правонарушений.

23. Рифаген уделит особое внимание особенностям ответственности "за преступление" с точки зрения государств, которым не был причинен прямой ущерб. Учитывая позицию членов Комиссии в ходе работы над Частью первой проекта, Рифаген утверждает, в частности, что каждое преступление устанавливает ответственность *erga omnes*, т.е. в отношении всех других государств, помимо автора противоправного деяния 31/. Однако позиция этого множества государств во взаимоотношениях по поводу ответственности не будет такой же, каковой является позиция государства - "основной жертвы" преступления: правовое положение государств, которым не был причинен прямой ущерб, включает, согласно Рифагену: а) право требовать прекращения, возмещения и гарантий неповторения; б) обязательство не помогать государству-правонарушителю сохранять ситуацию, порожденную преступлением; в) право занимать в отношении автора преступления в иных случаях достойную порицания позицию или позицию, нарушающую принцип невмешательства во внутренние дела, понимая при этом, однако, что это право не является безусловным и что оно действует лишь до тех пор, пока компетентный орган Организации Объединенных Наций не примет решение в отношении "наказания" преступления; и д) обязательство привести в исполнение меры, принятые в качестве наказания за преступление органами Организации Объединенных Наций, причем последние действительно являются компетентной "властью" для урегулирования последствий какого-либо преступления, даже если это не влечет за собой создание угрозы для международного мира и безопасности 32/.

24. Только что описанный режим претерпевает изменение, становясь более суровым, при наличии преступления агрессии. В этом случае каждое государство (другое, нежели государство, совершившее противоправное деяние) имеет те же права, что и "основная жертва" преступления. В частности, к силе можно прибегать в порядке индивидуальной или коллективной самообороны. Более того,

28/ Четвертый доклад (см. сноска 25, выше), пункт 55.

29/ Там же, пункты 53-54.

30/ По мнению Спинеди, "это становится очевидным из того факта, что лишь в связи с вопросом о последствиях агрессии члены КИМ обсуждали в 1982 и 1983 годах, должны ли они рассматривать самооборону в проектах статей" (*op. cit.* (сноска 1, выше), p. 94, сноска 312).

31/ Четвертый доклад (см. сноска 25, выше), пункт 59.

32/ Там же, пункты 59-63.

ссылка на систему Организации Объединенных Наций будет более конкретной: каждое государство на деле обязано приводить в исполнение такие "санкции", решение о которых может быть принято Советом Безопасности на основе главы VII Устава 33/.

25. Однако следует добавить, что позиция Рифагена в отношении правового статуса описанного (или любого другого) режима "ответственности за преступление" значительно отличается от позиции Комиссии, высказанной в ее комментарии к статье 19. По мнению Рифагена, этот описанный режим не соответствует, за исключением особых последствий агрессии, нынешнему состоянию международного права (*lex lata*). Его принятие будет предметом прогрессивного развития 34/.

26. Рифаген воплотил свои предложения в проектах статей 5, пункт е), 14 и 15, представленных Комиссии в 1984 году 35/. Эти положения гласят следующее:

"Статья 5

Для целей настоящих статей "потерпевшее государство" означает:

...

е) в случае, если международно-противоправное деяние составляет международное преступление [и в контексте прав и обязательств государств по статье 14 и 15], все другие государства.

33/ Там же, пункты 52 и 64.

34/ Там же, пункты 58 и 67.

35/ Первоначально Рифаген представил весьма схожее положение в проекте статьи 6, содержащемся в его третьем докладе 1982 года (Ежегодник... 1982 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/351 и Add.1-3, стр. 61). Текст статьи гласит следующее:

"Статья 6

1. Международно-противоправное деяние государства, представляющее собой международное преступление, влечет за собой обязательство для всех других государств:

а) не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате такого деяния; и

б) не оказывать помощь или поддержку государству-правонарушителю в сохранении ситуации, создавшейся в результате такого деяния; и

с) присоединиться к другим государствам в предоставлении взаимной помощи при выполнении обязательств в соответствии с подпунктами а) и б).

2. Если иное не предусматривается применимой нормой международного права, выполнение указанных в пункте 1 обязательств обусловливается *mutatis mutandis* процедурами, содержащимися в Уставе Организации Объединенных Наций в отношении поддержания международного мира и безопасности.

35/ (окончание сноски)

3. С учетом статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций в том случае, когда обязательства государства по пунктам 1 и 2, выше, окажутся в противоречии с его правами и обязательствами согласно любой другой норме международного права, преимущественную силу имеют обязательства по настоящей статье".

Статья 14

1. Международное преступление влечет за собой все юридические последствия международно-противоправного деяния, а также такие права и обязательства, которые определены применимыми нормами, принятыми международным сообществом в целом.

2. Международное преступление, совершенное государством, влечет за собой обязательство для всех других государств:

а) не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате такого преступления; и

б) не оказывать помощь или поддержку государству, совершившему такое преступление, в сохранении ситуации, создавшейся в результате такого преступления; и

с) присоединиться к другим государствам в предоставлении взаимной помощи при выполнении обязательств в соответствии с подпунктами а) и б).

3. Если применимой нормой общего международного права не предусмотрено иное, осуществление прав, вытекающих из пункта 1 настоящей статьи, и выполнение обязательств, вытекающих из пунктов 1 и 2 настоящей статьи, обуславливается *mutatis mutandis* соблюдением процедур, предусмотренных в Уставе Организации Объединенных Наций в отношении поддержания международного мира и безопасности.

4. С учетом статьи 103 Устава Организации Объединенных Наций в случае, если обязательства государства по пунктам 1, 2 и 3 настоящей статьи окажутся в противоречии с его правами и обязательствами согласно любой другой норме международного права, преимущественную силу имеют обязательства по настоящей статье.

Статья 15

Акт агрессии влечет за собой все юридические последствия международного преступления, а также такие права и обязательства, которые предусмотрены или обусловлены Уставом Организации Объединенных Наций" 36/.

7. Обсуждение в Комиссии международного права предложений 1984-1985 годов

27. Хотя предложения проф. Рифагена были переданы в Редакционный комитет, они не стали, как было отмечено, объектом особо тщательного обсуждения. Общий тон высказываний членов Комиссии свидетельствует, в частности, о том, что эти предложения, даже несмотря на то, что они рассматривались как хорошая стартовая площадка для разработки режима преступлений, по-прежнему нуждаются в серьезных изменениях и более подробной разработке 37/. Однако в отношении некоторых моментов можно выявить несколько более конкретных указаний.

28. Например, ряд членов Комиссии возражали против того, что предложение г-на Рифагена не проводило достаточного разграничения между позицией государств, "которым не был причинен прямой ущерб", и позицией государства, являющегося "основной жертвой" нарушения. Если в случае преступления каждое государство будет автоматически получать те же права, которыми пользуется государство, несущее "прямой ущерб" вследствие простого правонарушения (что, по-видимому, подразумевается в пункте 1 статьи 14), то тогда в случае преступления каждое государство уполномочено не только получать денежную компенсацию, но и также принимать такие же контрмеры, что и государство, которому был причинен прямой ущерб. По мнению ряда членов Комиссии, это представляется вредным для сохранения справедливых, мирных и упорядоченных международных отношений 38/. На это возражение Рифаген ответил, что "активное" положение государства, которому не был причинен прямой ущерб в результате преступления, будет зависеть от вида фактически понесенного ущерба. Например, денежную компенсацию можно требовать лишь в том случае, если данному государству в результате международного преступления 39/ действительно причинен материальный ущерб. То же применяется к контрмерам в том смысле, что "государство, считающееся пострадавшим только на основании пункта е) статьи 5, пользуется этим статусом в качестве члена международного сообщества в целом и должно осуществлять свои новые права и выполнять свои новые обязательства в рамках организованного сообщества государств 40/. Поэтому в отсутствие и до какого-либо коллективного решения, принятого "в рамках организованного сообщества государств", государство, потерпевшее

37/ См. выступление Лаклета-Муньос (Ежегодник..., 1982 год, том I, стр. 266), Разафиндраламбо (там же, стр. 267-268); Малека (там же, стр. 248); Иокоты (там же, стр. 259); Барбосы (там же, стр. 262); Синклера (там же, стр. 254-255); и Ни (там же, стр. 257). Более того, Рифаген признал, что не был намерен включить в свои положения исчерпывающий список последствий преступлений, а лишь заложить основу для дальнейшей разработки Комиссией. "Минимальный" и "открытый" характер режима, подчеркнутый Рифагеном, ясно отражается в тексте пункта 1 статьи 14, где предусматривается, что любое дополнительное "особое" последствие преступления может в любом случае быть установлено международным сообществом в целом.

38/ В этой связи см. выступление Синклера, Квентин-Бакстера и Маккаффри в Ежегоднике..., 1984 год, том I, стр. 383, 385 и 386, соответственно.

39/ Там же, стр. 401

40/ Шестой доклад (Ежегодник..., 1985 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/389), пункт 10 комментария к статье 14.

только в рамках значения пункта е) статьи 5, может, по мнению Рифагена, прибегать *uti singulus* лишь к мерам непризнания и солидарности, предусмотренным в пункте 2 статьи 14 41/.

29. Здесь уместно сделать дополнительное замечание. В отсутствие каких-либо возражений со стороны других членов Комиссии и фактически разделяя мнение, выраженное некоторыми из них 42/, Рифаген был склонен исключить из концепции международной ответственности и особенно из законно преследуемых через посредство контрмер целей любой карательный аспект или, иными словами, любой другой аспект, нежели те из них, которые относятся к выполнению нарушенного обязательства и возмещению ущерба 43/. Это применимо даже в случае преступлений, по крайней мере в том, что касается контрмер, которые могут быть приняты государствами *uti singuli* 44/. С другой стороны, карательный аспект не отвергается четко Рифагеном для возможных "санкций", применяемых во исполнение коллективных решений, принятых компетентными международными органами.

30. Можно сделать окончательное замечание в отношении предполагаемой роли процедур и мер, уже предусмотренных в Уставе Организации Объединенных Наций. Преобладающее среди членов Комиссии мнение, по-видимому, четко склоняется в пользу включения в режим, регулирующий преступления, применения тех мер, которые Устав, основываясь на конкретных особенностях случая, допускает или фактически предписывает. Мы, главным образом, имеем в виду меры самообороны в случае агрессии и процедуры, предусмотренные в Уставе для поддержания международного мира и безопасности 45/.

41/ Там же, пункт 6. Эта позиция Рифагена уже достаточно четко представлена в его третьем докладе. (Ежегодник..., 1982 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/354 и Add. 1 и 2), пункты 95-96 и 136-143. В этой связи см. также Спинеди (op. cit. (сноска 1 выше), p. 124).

42/ Рейтер (Ежегодник..., 1976 год, том I, стр. 313, Ежегодник..., 1981 год, том I, стр. 153 и Ежегодник..., 1982 год, том I, стр. 246) и Швельбел (Ежегодник..., 1980 год, том I, стр. 101).

43/ Второй доклад (Ежегодник..., 1981 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/344), пункт 35. См. также выступление г-на Рифагена на 1759-м заседании Комиссии (Ежегодник..., 1983 год, том I, стр. 29 и посл.).

44/ Третий доклад (Ежегодник..., 1982 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/354 и Add. 1 и 2), пункт 140.

45/ См. выступления Ушакова (Ежегодник..., 1982 год, том I, стр. 283 и 287); Эвенсена (там же, стр. 256); Янкова (там же, стр. 285); Флитана (Ежегодник..., 1983 год, том I, стр. 134); Аль-Кайси (там же, стр. 145); Баланды (там же, стр. 156); Королич (там же, стр. 164); Джаготы (там же, стр. 162); Барбосы (там же, стр. 169); и Маккаффри (там же, стр. 179). Сомнения относительно правовой точности и политической уместности ссылки на предусмотренный в Уставе механизм поддержания международного мира и безопасности высказали Рейтер (Ежегодник..., 1984 год, том I, стр. 352) и Малек (там же, стр. 392).

8. Краткое изложение позиции Комиссии международного права

31. Попытаемся на данном этапе кратко изложить выводы, в которых Комиссия по завершении своей работы относительно Части первой проектов статей и рассмотрения предложений Рифагена, как представляется, достигла некоторой степени согласия в отношении "особого" режима международных преступлений государств.

i) Из позиции, прямо занятой Специальным докладчиком, против которой другие члены Комиссии не возражали, как представляется, вытекает, что задача, которую предстоит выполнить, будет заключаться не столько в кодификации возможных (и путанных) *lex lata* по этому вопросу, сколько в конкретном определении путем прогрессивного развития общего минимума, с помощью которого было бы целесообразно "усилить" последствия преступлений по сравнению с последствиями правонарушений.

ii) Такой минимум не следует искать в правовом положении государства, являющегося "основной жертвой" нарушения (если оно имеет место): права и *facultés* такого государства не отличаются - если только речь не идет о количественном аспекте по отношению к серьезности ущерба - от тех, которые оно приобрело бы в качестве основной потерпевшей стороны в связи с каким-либо международно-противоправным деянием.

iii) С другой стороны, "особый характер" действительно присущ правовому положению государств, которым был причинен "косвенный" ущерб, если это положение рассматривать с точки зрения их ответных мер *uti singuli*. В отличие от положения государств, которым был причинен "косвенный" ущерб в результате правонарушения, положение государств, которым был причинен "косвенный" ущерб в результате преступления, характеризовалось бы необходимым минимальным уровнем. Этот уровень, несомненно, был бы сопряжен с обязательствами "не признавать" и "не сотрудничать с автором преступления", как указывал Рифаген; однако можно предположить, что он также повлечет за собой нечто большее с учетом возникшей в Комиссии глубокой неудовлетворенности "недостаточностью" такого указания. С другой стороны, как представляется, в Комиссии достигнуто согласие в отношении того, что правовая причастность данных государств не должна заходить столь далеко, чтобы оправдывать одностороннее принятие одним или несколькими такими государствами мер, призванных навлечь наказание на автора противоправного деяния.

iv) Ограничения возможности применения индивидуальной "санкции" за совершение преступления со стороны государств *uti singuli* были бы сужены в случае принятия коллективного решения авторитетным представителем "международного сообщества в целом". В таком случае любое государство, которому был причинен "непрямой" ущерб, могло бы быть уполномочено или фактически обязано принять по отношению к правонарушителю меры, согласованные "организованным международным сообществом", причем такие меры могут быть более жесткими, чем меры, допускаемые в ином случае.

v) Гипотеза, согласно которой только что упомянутый феномен вполне может возникнуть, т.е. гипотеза, которую большинство членов Комиссии считают имеющей главное значение, будет заключаться в принятии мер, решение в отношении которых было принято коллективно компетентными органами Организации Объединенных Наций в случае нарушений, которые требуют применения конкретных процедур, предусмотренных в Уставе.

vi) Отличным от данного "минимального" общего режима был бы случай агрессии, т.е. совершение единственного преступления, оправдывающего принятие односторонних ответных мер с применением оружия в порядке коллективной самообороны любым другим государством, помимо агрессора. Совершение такого преступления, кроме того, дает любому государству право прибегать к контрмерам без применения оружия при менее строгих ограничениях (материальных или процессуальных), чем ограничения, сопряженные с другими противоправными деяниями. Единственными применимыми ограничениями были бы пропорциональность и запрещение нарушать обязательства *jus cogens*. На все это (самооборона и "усиленные" контрмеры) распространялось бы действие процедур, предусмотренных Главой VII Устава в интересах поддержания международного мира и безопасности.

С. Реакция государств в Шестом комитете

1. Проблема уголовной ответственности

32. В отношении реакции государств в Шестом комитете во время принятия статьи 19 Части первой проектов статей можно сказать, что большинство государств, особенно государства "социалистической сферы" и "развивающегося мира", выразили согласие с выбором Комиссии. Только несколько западных государств, включая Австралию, Францию, Грецию, Португалию, Швецию и Соединенные Штаты Америки, решительно выступили против 46/. Неоднократно высказывавшиеся ими критические замечания относятся главным образом к риску "криминализации" поведения государств, который, по их мнению, внутренне связан с различием, предложенным Комиссией. По мнению вышеуказанных государств, международное право на данной стадии не знает каких-либо форм ответственности, аналогичных формам ответственности, которые предусмотрены уголовным правом государств. На межгосударственном уровне в настоящее время нет общепризнанного международного органа, который мог бы считаться достаточно представительным и беспристрастным, чтобы на него можно было возложить функцию принятия решений о применении "санкций" уголовного характера. Кроме того, "криминализация" поведения государств означала бы возведение возможности коллективной уголовной ответственности до уровня нормы права, а такой шаг был бы несовместим с юридической цивилизацией. В проектах статей Комиссии должны рассматриваться только те аспекты ответственности государств, которые касаются возмещения ущерба, а не санкций. Вопрос о санкциях, если это вообще целесообразно, должен будет решаться на политическом уровне и не в связи с определением ответственности за международно-противоправные деяния 47/.

33. Группа европейских государств также выступила против карательных мер, понимаемых как меры, соответствующие формам уголовной ответственности, которые предусмотрены в национальных правовых системах. Согласившись, в принципе, с

46/ Австралия (A/C.6/31/SR.27, пункты 17-20, и впоследствии A/C.6/38/SR.50, пункты 53-55); Франция (A/C.6/31/SR.26, пункт 4, и впоследствии A/C.6/38/SR.41, пункт 26); Греция (A/C.6/31/SR.23, пункты 11-12); Португалия (A/C.6/31/SR.23, пункт 17) и Соединенные Штаты Америки (A/C.6/31/SR.17, пункты 8-12; A/C.6/33/SR.40, пункт 2, и впоследствии A/C.6/38/SR.47, пункт 67). Позиция Швеции изложена главным образом в письменном комментарии к проектам статей Комиссии (Ежегодник..., 1981 год, том II, Часть первая, документ A/CN.4/342 и Add. 1-4, стр. 95-96).

47/ Последнее замечание высказала только Греция. См. ссылку в предыдущей сноске.

предложенным различием, эти государства зарезервировали свою позицию до того времени, когда Комиссия определит последствия преступлений 48/. Однако следует подчеркнуть, что такие оговорки были сделаны государствами, которые, тем не менее, высказались за установление "особого режима" ответственности "за преступления". По мнению этих государств, последствия преступления никоим образом не должны включать формы уголовной или "карательной" ответственности, которые, помимо того, что они противоречат принципу суверенного равенства субъектов международного права, способствовали бы империалистическим притязаниям государств, способных налагать "карательные санкции" 49/.

34. В заключение в связи с данным вопросом следует отметить, что весьма небольшое число государств, которые первоначально выступили против идеи установления ответственности "за преступления" или высказывались серьезные

сомнения в отношении нее, комментируя предложения, выдвинутые впоследствии профессором Рифагеном, проявили менее враждебное отношение к возможности определения "особого" режима в отношении последствий особенно тяжких противоправных деяний. Можно предположить, что это объясняется "мягким", "неуголовным" характером этих предложений 50/.

2. "Материальные" последствия преступлений

35. После прений по вопросу о приемлемости "уголовной" ответственности государств мало что было сказано в Шестом комитете в отношении "особых черт",

48/ Австрия (A/C.6/31/SR.20, пункт 2, и A/C.6/38/SR.41, пункт 41); Дания (A/C.6/31/SR.19, пункт 5); Федеративная Республика Германия (A/C.6/31/SR.24, пункт 73; и Ежегодник..., 1981 год, том II, Часть первая, стр. 90-91); Япония (A/C.6/31/SR.21, пункт 8) и Испания (A/C.6/31/SR.54, пункт 35).

49/ Германская Демократическая Республика (A/C.6/35/SR.49, пункт 15, и A/C.6/38/SR.36, пункт 67); Болгария (A/C.6/38/SR.52, пункт 57); Польша (A/C.6/38/SR.53, пункт 33); Украинская Советская Социалистическая Республика (A/C.6/38/SR.54, пункт 24); Венгрия (A/C.6/38/SR.53, пункт 22) и Союз Советских Социалистических Республик (A/C.6/38/SR.53, пункт 43).

50/ См., например, мнение, высказанное Грецией (A/C.6/37/SR.40, пункт 47); Японией (A/C.6/37/SR.46, пункт 19); Австралией (A/C.6/37/SR.48, пункт 9); Швецией (A/C.6/37/SR.41, пункт 12) и Соединенными Штатами Америки (A/C.6/37/SR.52, пункты 22-23).

характеризующих - de lege lata или ferenda - режим таких противоправных деяний, которые предусмотрены в статье 19 51/.

3. Faculté на ответные меры

36. В отношении faculté на ответные меры только два государства высказали сомнение в том, что совершение преступления или, в любом случае, серьезного нарушения норм, оберегающих интересы всего международного сообщества, влечет за собой ответственность erga omnes. Однако мало государств высказались по вопросу о том, подразумевает ли такая ответственность возможность для любого государства, даже если ему был причинен только "косвенный" ущерб, прибегать в одностороннем порядке к контрмерам 52/. Не было сделано существенных замечаний по предложению Рифагена относительно установления "минимальных" обязательств общего права ("непризнание" и "солидарность"), которые были бы возложены на все государства, помимо государства-правонарушителя, в случае совершения международного преступления 53/. Тем не менее многие выразили несогласие, в том числе в Шестом комитете, с идеей уменьшения "специфичности" преступлений до таких "минимальных" обязательств без должного развития режима обязательств государства-правонарушителя и прав государства, которому был причинен "прямой ущерб".

51/ Тем не менее, возможно, было бы полезным напомнить о позициях, занятых по этому вопросу Болгарией, Федеративной Республикой Германией и Соединенными Штатами Америки. По мнению Болгарии, например, в случае совершения преступления потерпевшее государство может немедленно принять контрмеры, не дожидаясь отрицательного исхода рассмотрения предварительно заявленного требования о возмещении ущерба (A/C.6/36/SR.51, пункт 6). С другой стороны, по мнению Федеративной Республики Германии, необходимо будет даже в случае совершения преступления исчерпать имеющиеся средства достижения мирного решения, с тем чтобы получить возможность законно прибегнуть к какой-либо односторонней мере (A/C.6/38/SR.39, пункт 7). Соединенные Штаты Америки (которые, нужно напомнить, выступили против данного различия) высказали предположение о том, что если действительно необходимо предусмотреть в проектах статей в порядке прогрессивного развития права положение об "особых" последствиях в случае совершения особо тяжких противоправных деяний, то тогда следует упомянуть также об обязательстве государства, несущего ответственность за это деяние, возместить ущерб в качестве "назидательной" или "штрафной" санкции (A/C.6/31/SR.17, пункт 12).

52/ Некоторые высказались положительно по этому вопросу, хотя и в несколько общих выражениях: Индонезия (A/C.6/31/SR.30, пункт 33); Шри-Ланка (A/C.6/31/SR.31, пункт 15) и Федеративная Республика Германия (Ежегодник..., 1981 год, том II, Часть первая, документ A/CN.4/342 и Add. 1-4, стр.90-91).

53/ Только Алжир и Румыния (A/C.6/37/SR.48, пункт 35, и A/C.6/37/SR.49, пункт 9, соответственно) решительно поддержали это предложение, хотя они больше подчеркивали необходимость развить и уточнить сферу действия таких обязательств.

4. Роль "организованного международного сообщества"

37. В связи с вопросом о "faculté на ответные действия" ряд государств, с другой стороны, не колеблясь, поддержали позицию Комиссии, согласно которой типичным последствием преступления должно быть принятие мер всеми государствами *uti universi*, а именно в рамках "организованного международного сообщества". Как отмечалось, занимая такую позицию, Комиссия опиралась на очевидную основополагающую ссылку на случаи, требующие применения мер, которые предусмотрены в Уставе Организации Объединенных Наций, в частности в Главе VII. Однако некоторые государства считали, что нецелесообразно упоминать о таких мерах в проектах статей. Это объяснялось либо тем, что их применение уже регулируется Уставом, и более того, с точки зрения перспективы, отличающейся от перспективы последствий противоправных деяний 54/, либо риском расширения "полномочий на введение санкций" органов Организации Объединенных Наций, особенно Совета Безопасности, за пределы, установленные для них Уставом. Этот риск считался очень серьезным, особенно с учетом того обстоятельства, что речь идет о политических органах Организации Объединенных Наций, которые в силу своих учредительных документов непригодны для беспристрастной судебной оценки рассматриваемых случаев 55/.

38. В конечном счете в Шестом комитете выявилось широкое согласие с тем, чтобы считать самооборону, как индивидуальную, так и коллективную, в ответ на агрессию "особым" последствием противоправного деяния, которое допускает одностороннее использование вооруженных сил даже государствами, понесшими "непрямой" ущерб. Однако некоторые делегации поставили под сомнение целесообразность урегулирования этой гипотезы в проектах статей, поскольку она уже предусмотрена и регулируется Уставом Организации Объединенных Наций 56/.

5. Краткое изложение позиций государств в Шестом комитете

39. В результате прений в Шестом комитете появились весьма нечеткие принципы:

- i) как представляется, достигнут широкий консенсус относительно того, что ответственность за серьезные нарушения обязательств, имеющих основополагающее значение для международного сообщества, следует как-то ограничивать от последствий любого "обычного" международно-противоправного деяния. Однако значительная часть международного сообщества проявляет некоторые колебания, когда речь идет об использовании понятия "ответственность за преступление" для квалификации такого режима;

54/ Франция (A/C.6/31/SR.26, пункт 5) и Греция (A/C.6/31/SR.23, пункты 11-12).

55/ Япония (A/C.6/31/SR.21, пункт 8); Австралия (A/C.6/31/SR.27, пункт 20) и Испания (Ежегодник ... 1982 год, том II, часть первая, документ A/CN.4/351 и Add.1-3, стр. 19-20).

56/ Федеративная Республика Германия (A/C.6/38/SR.39, пункт 3); Австралия (A/C.6/38/SR.50, пункт 42) и Соединенные Штаты Америки (A/C.6/38/SR.41, пункт 4).

- ii) выявилось также широкое согласие относительно того, что любой "особый" режим преступлений должен быть лишен какого-либо "уголовного" оттенка в том смысле, что даже в случае совершения преступления не следует соглашаться с "карательными" мерами, вопрос о которых будут решать в одностороннем порядке потерпевшие стороны, особенно в отношении государств, которым был причинен "непрямой" ущерб;
- iii) тем не менее проявляется нечеткая тенденция к тому, чтобы считать "специфичность" последствий преступлений вытекающей не только из существования общих обязательств "непризнания" и "солидарности", которые несут государства, но и из большей жесткости "материальных" обязательств государства-правонарушителя и "процессуальных" прав государства (если таковые имеются), понесшего "прямой" ущерб в результате данного нарушения;
- iv) превалирует убеждение в том, что в случае совершения преступлений ответственность erga omnes равнозначна по существу возможности для "организованного международного сообщества" уполномочить или даже обязать любое государство - в силу решений, принятых "компетентными" органами, - применить "санкции" - даже жесткие санкции - против правонарушителя. В качестве примера можно привести процедуры и меры, предусмотренные для некоторых ситуаций Уставом. Однако среди представителей государств в Шестом комитете нет согласия относительно целесообразности включения "прямой" ссылки на такие процедуры или меры в проекты статей;
- v) агрессия отграничивается от всех других преступлений. Она считается единственным противоправным деянием, допускающим односторонние ответные меры с применением оружия в порядке самообороны со стороны государств, которым был причинен "непрямой" ущерб, а также государства или государств, явившихся жертвами агрессии.

D. Мнения ученых

1. Введение

40. Хотя предложения Комиссии международного права относительно режима преступлений не достигли продвинутой стадии разработки, они уже вызвали замечания со стороны многочисленных ученых. На последующих страницах мы попытаемся изложить доктринальные тенденции, касающиеся нынешнего состояния международного права в отношении "особых" последствий преступлений и возможных направлений его развития в будущем 57/. Мы начнем с рассмотрения взаимоотношений между государством, которое является "основной жертвой" преступления, и государством-правонарушителем, с тем чтобы определить, являются ли они, по мнению ученых, в какой-то степени отличными от взаимоотношений между потерпевшим государством и государством-правонарушителем, возникших в результате "обычного" противоправного деяния.

57/ Мы хотели бы разъяснить, что нижеследующий анализ относится к замечаниям ученых относительно того, каким образом следует урегулировать последствия преступлений в проектах статей Комиссии международного права. Однако в нем не затрагивается литература о конкретных примерах преступлений (таких, как агрессия, геноцид или апартеид) или типичных и, возможно, "особых" последствий таких преступлений, которые можно определить на основе практики государств или международных организаций или же с учетом соответствующих документов.

2. Взаимоотношения между правонарушителем и жертвой

41. Немногие авторы считают, что "специфичность" режима преступлений проявляется в рамках таких взаимоотношений. В числе тех, кто высказался по этому вопросу, лишь немногие касались "материальных" обязательств, которые несет государство-правонарушитель в отношении потерпевшего государства, которому был причинен "прямой" ущерб. Как мы видим, этому аспекту не было уделено много внимания и в работе Комиссии. Что касается возмещения (*lato sensu*), то один из авторов, например, подчеркивает, что в случае совершения преступления, в отличие от правонарушения, не допускается отступление (между потерпевшим государством и правонарушителем) от обязательства произвести реституцию в натуре постольку, поскольку затрагиваются "неотъемлемые" интересы, охватываемые неоспоримыми нормами 58/. Другой автор подчеркивает, что в случае совершения преступления государство-правонарушитель даже после возмещения ущерба все еще несет обязательство дать необходимые гарантии неповторения 59/.

42. В связи с "процессуальными" последствиями мнения ученых разделились по вопросу об условиях законного применения контрмер государством, которому был причинен "прямой" ущерб. Тогда как некоторые авторы считают, что право потерпевшего государства принимать контрмеры возникает даже в случае совершения преступления только после безуспешного выдвижения требований о прекращении преступления/возмещении ущерба и использования имеющихся средств урегулирования спора 60/, другие полагают, что потерпевшее государство может

58/ В. Graefrath, "International Crimes - A Specific Regime of International Responsibility of States and its Legal Consequences", in International Crimes of State, op. cit. (сноска 1 выше), p. 165. В связи с аспектом, упомянутым Грефратом, позвольте нам подчеркнуть, что запрещение "замены" путем соглашения денежной компенсации *restitutio*, когда это поставило бы под угрозу законные и неотъемлемые интересы, уже подчеркивалось нынешним Специальным докладчиком даже в отношении последствий "правонарушений"; и действительно, возможность того, что отказ произвести *restitutio* может нарушить такие интересы, может возникнуть даже вследствие противоправных деяний "*minoris generis*" по сравнению с преступлением. В таком случае единственный вопрос, который необходимо разрешить, касается исключения чрезмерного бремени, как это предусмотрено в статье 7 Части второй.

59/ F. Lattanzi, Garanzie dei diritti dell'uomo nel diritto internazionale generale, Milan, 1983, pp. 530-531.

60/ P.M. Dupuy, "Implications of the Institutionalization of International Crimes of States", in International Crimes of State, op.cit. (сноска 1 выше), p.180; G. Carella, La responsabilita dello Stato per crimini internazionali, Naples, 1985, pp. 134 and 143.

немедленно 61/ прибегнуть по меньшей мере к контрмерам, которые представляются разумно необходимыми для достижения прекращения противоправного поведения 62/.

43. Более широкое согласие существует в отношении пределов осуществления контрмер со стороны потерпевшего государства. Большинство ученых придерживаются мнения о том, что ограничение на основе пропорциональности 63/

и/или ограничение на основе *jus cogens* 64/ применяются только в случае совершения преступлений.

44. Широкий консенсус также существует в отношении функции контрмер, принимаемых потерпевшим государством. И действительно, хотя никто не ставит под сомнение возможность их принятия для достижения прекращения "преступного" поведения или для установления путем *extrema ratio* гарантий возмещения ущерба *lato sensu*, почти все ученые исключают возможность использования таких мер в чисто "карательных" целях 65/.

61/ F. Lattanzi, *op.cit.* (сноска 59 выше), p. 530; R. Hofmann, "Zur Unterscheidung Verbrechen und Delikt im Bereich der Staatenverantwortlichkeit", in *ZaöRV*, 1985, pp. 221-222.

62/ B. Graefrath, *op.cit.* (сноска 58 выше), p. 165.

63/ G. Carella, *op.cit.* (сноска 59 выше), pp. 143-144; K. Hailbronner, "Sanctions and Third Parties and the Concept of International Public Order", in *Archiv des Völkerrechts*, 1992 (30), p. 4; Y. Dinstein, "The *erga omnes* Applicability of Human Rights", *ibid.*, p. 19; B. Graefrath and M. Mohr, "Legal Consequences of an Act of Aggression: the Case of Iraqi Invasion and Occupation of Kuwait" in *Austrian Journal of Public International Law*, 1992(43), pp. 133-136. Против этого выступает Ф. Латтанци, по мнению которого, в случае принятия мер в ответ на преступление не может быть поставлена проблема пропорциональности (*op.cit.* (сноска 59 выше), p.531).

64/ Y. Dinstein, *op.cit.* (сноска 63 выше), pp. 19-20; B. Graefrath and M. Mohr, *op.cit.* (сноска 63 выше), p. 136; K. Oellers-Frahm, "The *erga omnes* Applicability of Human Rights", in *Archiv des Völkerrechts*, 1992(30), p. 36; A.J.J. de Hoog, "The Relationship between *Jus Cogens*, Obligations *Erga Omnes* and International Crimes: Peremptory Norms in Perspective", in *Austrian Journal of Public International Law*, 1991(42), p. 201. См. также J. Cardona Llorens, "La responsabilidad internacional por violacion grave de obligaciones esenciales por la salvaguarda de intereses fundamentales de la comunidad internacional (el 'crimen internacional')", in *Anuario de Derecho Internacional*, 1985, p. 326.

65/ Весьма четкие в этом отношении позиции занимают, среди прочих, X. Кардона Льюренс (*op. cit.*) (сноска 64 выше), pp. 325-332; B. Грефрат (*op. cit.* (сноска 58 выше), pp. 165); П.М. Допуи (*op. cit.*) (сноска 60 выше), pp. 180). М. Спинеди ("Contribution à l'étude de la distinction entre crimes et délits internationaux" in *Quaderni de 'La Comunità Internazionale'*, 1984(2), pp. 35-42) придерживается противоположного мнения, которое заключается в том, что контрмеры/репрессалии всегда признавались в международном праве как несущие функцию, являющуюся в первую очередь карательной, т.е. она не соответствует строго функции исполнения обязательства по возмещению ущерба; и это, очевидно, не может не относиться к мерам, которые могут быть приняты государством, против которого было совершено международное преступление.

45. И наконец, вряд ли необходимо напоминать, что огромное большинство авторов считает преступление агрессии исключением из общего режима, по меньшей мере, в том смысле, что государство, которому был причинен "прямой" ущерб, вправе принимать меры предполагающие применение силы в порядке самообороны 66/. Однако следует отметить, что значительное число ученых распространяют законность применения силы "жертвой нарушения" даже на случаи принятия мер в ответ на принудительное установление колониального господства

(или "иностранного господства"), а именно в пользу народа, над которым установлено такое господство 67/.

3. Взаимоотношения между правонарушителем и государствами, которым был причинен "непрямой" ущерб

46. Сейчас мы должны затронуть вопросы взаимоотношений между автором преступления (нарушения *erga omnes* по определению), с одной стороны, и государствами, которым был причинен "непрямой" ущерб - *uti singuli* - с другой. Как и сама Комиссия, авторы, которые затрагивали этот вопрос, единодушно считают, что главным образом в режиме этих взаимоотношений можно найти наиболее "особый" аспект последствий преступлений в отличие от "обычных" противоправных деяний.

47. В связи с "материальными" последствиями в литературе не содержится ощутимых возражений против идеи, согласно которой в случае совершения преступлений любое государство, помимо государства, совершившего данное противоправное деяние, вправе требовать прекращения этого деяния и возмещения *lato sensu* 68/. Это право, как представляется, существует даже в случае

66/ Что касается библиографии по этому "особому" последствию агрессии и различным путям его толкования, мы отсылаем читателя к тем частям предыдущих докладов Специального докладчика, в которых обсуждается эта проблема, т.е. к третьему докладу (A/CN.4/440 и Add.1 пункты 9 (сноска 7) и 97-102), а также к четвертому докладу (A/CN.4/444/Add.1 пункты 58-64).

67/ Существует множество трудов по этому вопросу. См., среди прочего, R. Higgins, The Development of International Law through the Political Order of the United Nations, p. 103 *et seq.*; A. Cassese, "Political Self-Determination. Old Concepts and New Developments", in United Nations Law Fundamental Rights, Alphen aan des Rijn, 1970, p. 119; N. Ronzitti, le guerre di liberazione nazionale e il diritto internazionale, Pisa, 1974, pp. 98 *et seq.*; A. Ben Salah, "Autodétermination des peuples: les deux niveaux", in Marxismo, Demokrazia e diritto dei popoli, Scritti in onore di Lelio Basso, Milano, 1979, pp. 727 *et seq.*; and White, Self-Determination: Time for a Re-Assessment, in Netherlands International Law Review, 1981, p. 151. Следует также упомянуть о travaux préparatoires Декларации о дружественных отношениях между государствами (резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи) и о комментариях к соответствующей части данной Декларации.

68/ См., среди прочих B. Graefrath, *op. cit.* (сноска 58 выше), p.165; G. Abi Saab, "The Concept of 'International Crimes' and its Place in Contemporary International Law", in International Crimes of State, op. cit. (сноска 1 выше), p. 149; E. Jimenez de Aréchaga, "Crimes of States, *Jus Standi*, and Third States", *op. cit.* (сноска 1 выше), p. 255 and D.N. Hutchinson, "Solidarity and Breaches of Multilateral Treaties" in BYBIL, 1988, p. 197.

отсутствия какого-либо предварительного вмешательства со стороны международных, более или менее представительных органов.

48. В большей степени различаются мнения авторов относительно *faculté* государств, которым был причинен "непрямой" ущерб, прибегать в одностороннем порядке к контрмерам. По мнению некоторых авторов, это право или *faculté* может считаться признанным *de lege lata* в общем международном праве и действительно является наиболее определенной среди отличительных черт режима международных преступлений государств 69/. Другие авторы придерживаются более осторожного подхода, подчеркивая, что *faculté* всех государств и каждого государства *uti singulus*, не возникает автоматически в результате совершения какого-либо преступления. Она возникает, так сказать, лишь субсидиарно, т.е. тогда, когда нет возможности вмешательства со стороны "организованного международного сообщества" или когда "сообщество" остается в стороне из-за тупика в его механизмах принятия решений 70/, или же посредством проявления "солидарности" с основной жертвой преступления (если таковая имеется), которая в таком случае должна заблаговременно обратиться за помощью к другим государствам 71/. Некоторые специалисты, особенно итальянские, придерживаются мнения о том, что односторонние контрмеры, принятые любым государством, которому был причинен "непрямой" ущерб, допустимы лишь в отношении некоторых противоправных деяний, но не в отношении всей категории нарушений, предусмотренных в статье 19 Части первой проектов статей Комиссии. По мнению этих авторов, единственными контрмерами, допустимыми *de lege lata*, в обсуждаемой нами ситуации будут меры коллективной самообороны против агрессии и невооруженного вмешательства в пользу народа, устремления которого к независимости насильственно подавляются в условиях "иностранного господства" 72/. Ряд авторов считают, напротив, что "обобщенное" применение односторонних контрмер является недопустимым (или должно быть запрещено), за исключением случая агрессии, даже в ответ на совершение международного преступления: в противном случае возникнет опасность того, что будут оправдываться любые злоупотребления и создастся обстановка анархии и *bellum*

69/ Хотя здесь имеется ряд нюансов, мы полагаем, что именно таковой является позиция, например Ф. Латтанци op. cit. (сноска 59 выше), p. 533; К. Доминиче, "Legal Questions Relating to the Consequences of International Crimes", in International Crimes of State, op. cit. (сноска 1 выше), p. 262; и Я. Динштейна, op. cit. (сноска 1 выше), p. 19.

70/ G. Abi Saab, op. cit. (сноска 68 выше), p. 150; I. Sinclair, "State Crimes Implementation Problems: Who reacts?", in International Crimes of State, op. cit. (сноска 1 выше), p. 257; M. Spinedi, op. cit. (сноска 1 выше), p. 133; D.N. Hutchinson, op. cit. (сноска 68 выше), pp. 212-213; A.L. Sicilianos, Les réactions décentralisées à l'illicite: des contre-mesures à la légitime défense, Paris, 1990, pp. 171 и 205-206.

71/ J. Cardona Lloréns, op. cit. (сноска 64 выше), p. 322; M. Mohr, "The ILC's distinction between 'international crimes' and 'international delicts' and its implication", in U.N. Codification of State Responsibility (B. Sinuma, M. Spinedi, eds.), New York, 1987, pp. 131-132; R. Hofmann, op. cit. (сноска 61 выше), pp. 226-228; K. Nailbronner, op. cit. (сноска 63 выше), p. 9; A.J.J. de Hoog, op. cit. (сноска 64 выше), p. 213.

72/ Так, например, A. Cassese, "Remarks on the Present Legal Regulation of Crimes of States" in Etudes en l'honneur de R. Ago, vol. III, Milan, 1987, pp. 49-54; and B. Conforti, "Il tema di responsabilità degli Stati per crimini internazionali", in Ibid., pp. 108-110.

omnium contra omnes 73/. Единственным исключением из сферы действия этого запрещения будет как раз случай совершения агрессии, в ответ на которую допускается не только применение силы в порядке самообороны, но и принятие особенно жестких и безотлагательных односторонних мер всеми государствами 74/.

49. Авторы, допускающие использование односторонних контрмер любым государством, которому был причинен "непрямой" ущерб, не выходят далеко за рамки этого общего допущения. Они не вносят более значительный вклад в разработку правового режима, который мог бы регулировать порядок принятия таких контрмер (возможно, отличного от режима контрмер, которые могут быть приняты в отношении простого правонарушения) 75/. Единственный аспект, на котором настаивает большинство этих авторов, заключается в том, что было бы незаконным для государств, которым был причинен "непрямой" ущерб, преследовать

73/ K. Marek, "Criminalizing State Responsibility", in Revue belge de droit international, 1978-1979, p. 481; B. Graefrath, op. cit. (сноска 58 выше), p. 167; F.M. Dupuy, op. cit. (сноска 60 выше), pp. 177-179, and "Observations sur le 'crime international de l'Etat'", in RGDIP, 1980, pp. 483-484; E. Jimenez de Aréchaga, op. cit. (сноска 68 выше), pp. 255-256; T.O. Elias in International Crimes of State, op. cit. (сноска 1 выше), p. 193; Elagab, The Legality of Non-Forcible Counter-Measures in International Law, Oxford, 1988, p. 59; K. Sachariew, "State Responsibility for Multilateral Treaty Violations: Identifying the 'Injured State' and its Legal Status" in Netherlands International Law Review 35 (3), 1988, p. 280; and H.M. Ten Napel, "The Concept of International Crimes of States: Walking the Line between Progressive Development and Disintegration of the International Legal Order", in Leyden Journal of International Law, 1988, pp. 165-166.

74/ В этой связи см., например, R. Hofmann, op. cit. (сноска 61 выше), p. 229, и B. Graefrath, op. cit. (сноска 58 выше), p. 166; в этой работе содержится ссылка на "секвестр или конфискацию собственности агрессора или его граждан, находящейся за рубежом, приостановление действия всех двусторонних договоров с государством-агрессором, наказание его руководителей за преступление против мира".

75/ В отношении того, что называется "предварительными условиями", А.Л. Сицилианос утверждает, что безотлагательные контрмеры могут быть приняты при условии, что преступное поведение все еще продолжается и возникла чрезвычайная ситуация (op. cit. (сноска 70 выше), p. 206). Что касается пределов этих мер, то, по мнению М. Мора, государства, которым был причинен "непрямой" ущерб, могут принимать в силу "принципа пропорциональности/взаимности" только контрмеры, пропорциональные ущербу, понесенному в результате данного преступления (op. cit. (сноска 63 выше), p. 137). И наконец, Ф. Латтанци считает, что режим контрмер не отличается существенно от режима, регулирующего меры, которые могут быть приняты государством, понесшим "прямой ущерб" в результате преступления (op. cit. (сноска 59 выше), p. 533).

путем принятия мер "карательные" цели, т.е. цели, иные, чем прекращение противоправного деяния или возмещение *lato sensu* 76/.

50. Если перейти из области прав/*facultés* в область любых возможных обязательств согласно общему праву государств, которым был причинен "непрямой" ущерб, то можно сказать, что, как представляется, среди ученых достигнут значительный консенсус в том смысле, что такие обязательства должны считаться типичными и "особыми" последствиями международных преступлений 77/. Мы имеем в виду, в частности, обязательства "непризнания" и "солидарности", о которых упоминал наш предшественник в пункте 2 статьи 14 Части второй проектов статей. Из данных двух видов обязательств именно обязательство не признавать в качестве "законных" (т.е. предположительно порождающих правовые последствия на международном уровне и в соответствующих национальных системах) любые деяния, совершенные государством-правонарушителем в отношении "регулирования ситуации", создавшейся в результате преступления, считается большинством специалистов являющимся *de lege lata* "особым" последствиями преступлений в отличие от правонарушений 78/. И, напротив, намного легче найти авторов,

76/ В этом отношении четкую позицию занимают, в частности, М. Мор (*op. cit.* (сноска 63 выше), p. 139); К. Доминиче ("The Need to Abolish the Concept of Punishment", in *International Crimes of State*, *op. cit.* (сноска 1 выше), pp. 257-258); А.Л. Сицилианос (*op. cit.* (сноска 70 выше), pp. 52-54); Б. Грефрат и М. Мор (*op. cit.* (сноска 63 выше), pp. 133 and 139); а в число тех, кто полностью отрицает допустимость контрмер, входит К. Марек (*op. cit.* (сноска 73 выше), p. 463). С другой стороны, более "мягкие" позиции занимают М. Спинеди (*op. cit.* (сноска 65 выше), pp. 28 *et seq.*) и К. Земанек ("The Unilateral Enforcement of International Obligations", in *ZaöRV*, 1987 (47), pp. 37-38). Ф. Латтанци (*op. cit.* (сноска 59 выше), p. 533) допускает функцию, которая носит характер наказания, а не только характер исполнения обязательства по возмещению ущерба в контрмерах государств, понесших "косвенный ущерб" в результате преступления.

77/ Б. Симма фактически отмечает, что "большинство специалистов, придерживающихся двустороннего образа мышления, возможно, согласятся с тем, что сама идея установления обязательств для "третьих" государств в случае нарушения международного права является примечательной новацией, не говоря уже о существовании такой солидарности". (*International Crimes: Injury and Countermeasures. Comments on Part 2 of the ILC Work on State Responsibility*" in *International Crimes of State*, *op. cit.* (сноска 1 выше), p. 305.)

78/ Так, среди прочих J. Cardona Lloréns, *op. cit.* (сноска 64 выше), pp. 312 *et seq.*; G. Abi Saab, *op. cit.* (сноска 68 выше), p. 149; В. Граефрат, *op. cit.* (сноска 58 выше) p. 168, который обращает внимание на различные признаки, указывающие в этом направлении (текст Декларации о дружественных отношениях, текст Определения агрессии, резолюции Организации Объединенных Наций в отношении Родезии, южноафриканского присутствия в Намибии, создания бантустанов Южной Африкой, а также в отношении территорий, оккупированных Израилем); Р.М. Дюру, *op. cit.* (сноска 60 выше), p. 181; Е. Jimenez de Aréchaga, *op. cit.* (сноска 68 выше), pp. 255-256; В. Конфорти, *op. cit.* (сноска 72 выше), pp. 108-109, который, однако, ограничивает данное "особое" правовое последствие исключительно гипотезами агрессии и нарушения "внешнего" самоопределения; J. Frowein, "Collective Enforcement of International Obligations", in *ZaöRV*, 1987(47), p. 77; В. Граефрат и М. Мохр, *op. cit.* (сноска 63 выше), pp. 110 and 114.

которые прямо придерживаются вывода о том, что общее международное право фактически предусматривает "позитивные обязательства солидарности", которые несут все государства, понесшие "непрямой ущерб" в результате преступления, и которые требуют от каждого такого государства участвовать в принятии мер (возможно, по решению какого-либо международного органа), призванных оказать помощь "наиболее прямо" потерпевшему государству или восстановить законность 79/.

4. Роль "организованного международного сообщества"

51. И, наконец, необходимо внимательно ознакомиться с позициями ученых по вопросу о правовом положении государств, иных чем автор преступления, рассматривающихся *uti universi*. Мы имеем в виду проблему возможности для "организованного международного сообщества" решать различные вопросы и определять последствия, связанные с международной ответственностью "за совершение преступления". В этом отношении также существует широкий разброс мнений.

52. На одном конце спектра находятся специалисты, считающие, что такая компетенция принадлежит *de lege lata* исключительно органам Организации Объединенных Наций. Они, очевидно, имеют в виду, в частности, Совет Безопасности, т.е. орган, который может принять принудительные меры согласно Главе VII Устава, необходимость которых обуславливается международным преступлением государства 80/. По мнению этих ученых, понятие "угроза миру", содержащееся в статье 39 Устава, фактически поддается достаточно широкому толкованию, с тем чтобы Совет мог охватывать деяния, определяемые в качестве "международных преступлений" 81/. Несомненно, если признать, что "специфичность" режима преступлений заключается в указанной компетенции Совета

79/ См., например, оговорки А.Л. Сицилианоса (*op. cit.* (сноска 70 выше), р. 171) и К. Хейлброннера (*op. cit.* (сноска 63 выше), pp. 11-15), по мнению которых, *de lege lata*, не существует какого-либо обязательства "активной солидарности", а если что-нибудь подобное и есть, то лишь обязательство не препятствовать каким-либо действиям, предпринимаемым "организованным международным сообществом".

80/ В. Graefrath, *op. cit.* (сноска 58 выше), pp. 164-168.

81/ *Ibid.*, р. 164. По мнению этого автора, "международное преступление, являющееся серьезным нарушением международного обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты жизненно важных интересов международного сообщества, по определению представляет собой международное дело, устанавливающее юрисдикцию Организации Объединенных Наций". (*Ibid.*) И вновь: "государства уполномочили Совет Безопасности определять факт совершения международного преступления... принимать решения относительно мер, необходимых для прекращения противоправного поведения и обеспечивать всеобщее уважение и соблюдение тех международных обязательств, которые имеют основополагающее значение для поддержания международного мира". (*Ibid.*, р. 167).

Безопасности согласно Уставу, то обязательство каждого государства обеспечивать эффективность любых "санкций", решение о которых принято этим органом, естественно вытекает из этого 82/.

53. Сходной точки зрения придерживаются ученые, которые, хотя и не считают (в отличие от только что упомянутых) систему, предусмотренную Главой VII Устава, подходящей в настоящее время для осуществления "особого" режима ответственности за все преступления (а скорее, считают ее применимой только к агрессии и преступлениям, представляющим собой нарушение мира или угрозу миру), тем не менее также желают, чтобы такое осуществление обеспечивалось системой безопасности Организации Объединенных Наций. Это должно достигаться, по их мнению, путем прогрессивного развития (*lex ferenda*). Эта система является единственной системой, которая может, по их мнению, "обеспечить минимум гарантий объективности, которой должен вдохновляться режим ответственности за совершение преступления общего характера" 83/.

54. Другие авторы, исходя из аналогичного толкования (с точки зрения ответственности) положений Главы VII Устава, приходят к другому, более "ограничительному" выводу, согласно которому эта категория преступлений должна ограничиваться теми противоправными деяниями, которые представляют собой нарушение мира или угрозу миру, с тем чтобы поставить концепцию

82/ Ibid., p. 167.

83/ В. Conforti, op. cit. (сноска 72 выше), p. 107. Такой же точки зрения придерживается Хименес де Арчага (op. cit. (сноска 68 выше), pp. 25-26).

ответственности за совершение преступления "на более прочную правовую основу", не расширяя в то же время ненадлежащим образом сферу действия системы безопасности, предусмотренной Уставом 84/.

55. Не столь отличным от только что упомянутой точки зрения, однако более четко сформулированным является мнение, согласно которому компетенция принятия решений о введении "санкций" за совершение преступлений, по меньшей мере преступлений, сопряженных с угрозой миру, действительно принадлежит международному сообществу, "организованному" в рамках Организации Объединенных Наций, и конкретно Совета Безопасности. Однако такая компетенция принадлежит Организации Объединенных Наций "в первую очередь", но не "исключительно". Все еще остается возможность того, что государства *uti singuli* в законном порядке могут прибегать к мирным контрмерам против автора преступления, если реакция Организации Объединенных Наций окажется заблокированной или

84/ V. Starace, "La responsabilité résultant de la violation des obligations à l'égard de la communauté internationale" in Recueil des cours ..., 1976-V, pp. 294 et seq.. Аналогичную точку зрения см. J. Quigley, "The International Law Commission's Crime-Delict Distinction: a Toothless Tiger?", in Revue de droit international et de sciences diplomatiques et politiques, 1988, pp. 137 and 133 et seq.. P.M. Dupuy, "Observations sur la pratique récente des sanctions de l'illicite", RGDIP, t. 87/1983/3, pp. 505-548. По мнению последнего автора, было бы нецелесообразным, в частности, предусматривать в проектах статей Комиссии режим ответственности за преступление агрессии, который отличался бы - альтернативно или субсидиарно - от механизма, созданного согласно Главе VII Устава Организации Объединенных Наций, и соответствующей компетенции Совета Безопасности - причем это тем более так, если на основе такого отличающегося режима допускается принятие односторонних контрмер. По мнению этого автора, могут возникнуть опасения, что такая замена действий приведет к ослаблению престижа и авторитета всемирной организации, неспособность которой сохранять мир будет подчеркиваться бесконтрольными, хотя и обширными действиями определенных государств. Сама основа понятия преступления, которая направлена прежде всего на обеспечение уважения обязательств, имеющих жизненно важное значение для международного сообщества в целом, слишком часто рискует стать удобным предлогом для инициатив тех государств, которые будут стремиться в рамках концепции "полной свободы действий с целью поддержания общественного порядка" обосновать действия, предпринимаемые для достижения их собственных целей внешней политики. В конце концов, какими бы добросовестными ни были государства, применяющие санкции, их действия будут более легко встречать противодействие со стороны государств, на которые эти действия направлены, по той причине, что они осуществляются не под эгидой Организации Объединенных Наций. Здесь встает вопрос о том, не может ли сама институционализация преступления сеять семена международной анархии.

неэффективной 85/. Переход к этой "вторичной" односторонней компетенции рассматривался бы несколько благоприятно, по мнению некоторых авторов, если бы компетентные органы Организации Объединенных Наций, хотя и "не способные" действовать, даже просто "устно" осудили преступление, что являлось бы гарантией законности мер, которые государства *uti singuli* могут пожелать принять 86/.

56. Тенденция к отрыву, когда это возможно, "установления санкций" за преступление от системы безопасности, предусмотренной Главой VII, и от "исключительной компетенции" Совета Безопасности, зачастую считающейся подверженной рискам не только бездействия 87/, но и "политических манипуляций" 88/, проявляется также в предложениях тех авторов, которые склонны поддерживать роль Международного Суда в этих вопросах. Такая роль

85/ R. Hofmann, op. cit. (сноска 61 выше), p. 226; M. Mohr, op. cit. (сноска 63 выше), pp. 131-132 и 138; I. Sinclair, op. cit. (сноска 70 выше), p. 257; C. Dominicé, "Legal Questions...", op. cit. (сноска 69 выше), pp. 262-263; A.L. Sicilianos, op. cit. (сноска 70 выше), pp. 171 и 206-213.

86/ D.N. Hutchinson, op. cit. (сноска 68 выше), p. 203; A.L. Sicilianos, op. cit. (сноска 84 выше), p. 213; J. Quigley, op. cit. (сноска 70 выше), pp. 144, 150. "Первичную", но не "исключительную" компетенцию Организации Объединенных Наций также признает К. Оллерс-Фрам, по мнению которого все же было бы незаконным для государств *uti singuli* вмешиваться "на вспомогательной основе"; это, скорее, должны делать "такие региональные организации", как ОАГ или ЕЭС: даже в том случае, если эти региональные органы окажутся неспособными принять решение о применении коллективных "санкций", это означало бы, что *a fortiori* в международном сообществе нет согласия в отношении принятия односторонних мер также отдельными государствами, и поэтому такого рода меры не могут считаться допустимыми (op. cit. (сноска 64 выше), pp. 34-35).

87/ В связи с этим сомнения, например, выразил Б. Сяма, op. cit. (сноска 77 выше), pp. 312-313.

88/ См., среди прочих, C. Dominicé, op. cit. (сноска 69 выше), pp. 262-263; D.N. Hutchinson, op. cit. (сноска 68 выше), pp. 210-211; а также Ch. Leben: "Les contre-mesures étatiques et les réactions à l'illicite dans la société internationale", AFDI., 1982, p. 28.

понимается в форме либо компетенции суда по разрешению споров, касающихся международного преступления 89/, либо проверки *ex post facto* "законности" предлагаемых санкций 90/.

89/ S. Torres Bernardez, "Problems and Issues Raised by Crimes of States: An Overview", in International Crimes of State, *op. cit.* (сноска 58 выше), pp. 278-279; J. Quigley, *op. cit.* (сноска 84 выше), pp. 128-129.

90/ D.H. Hutchinson, *op. cit.* (сноска 68 выше), p. 211, и P.M. Dupuy, *op. cit.* (сноска 60 выше), p. 182-183, призывающий к созданию механизма, в рамках которого Генеральная Ассамблея принимала бы на основе квалифицированного большинства решения по вопросу о том, следует ли просить Совет Безопасности вмешаться, с тем чтобы "вести санкции" за совершение преступления; Совет принимал бы также квалифицированным большинством и при исключении права вето решение относительно мер, которые следовало бы принять; в завершение всего процесса необходимо было бы применить процедуру урегулирования споров. Здесь можно взять в качестве основы статью IX Конвенции против геноцида и статью XII Конвенции против апартеида. Однако сопоставление этих двух положений показывает, что в первом случае допускается одностороннее обращение в Международный Суд, тогда как вторая Конвенция, как представляется, сохраняет требование о достижении консенсусального подхода. Автор подчеркивает значение предложенных вариантов (*ibid.*, p. 183). Не ссылаясь прямо на Международный Суд, Т.О. Элиас также подчеркивает целесообразность создания "судебных каналов" в предлагаемом режиме ответственности за преступления в следующих выражениях:

"Нельзя забывать, что судебное решение на практике имеет ограниченную сферу, в которой оно действует, и что международный судебный процесс в принципе остается добровольным. Однако на фоне этого возникает значимость развития в современном международном праве процедур, согласно которым применение норм права возлагается на третьи стороны, а не на непосредственно заинтересованные государство или государства. Такое развитие является всего лишь средством для полного выявления нужд международного сообщества, а также общих озабоченностей и интересов этого коллективного и взаимозависимого образования, каким является международное сообщество сегодня" (*op. cit.* (сноска 73 выше), p. 193).

Б. Симма был настроен более скептически, когда, комментируя предложения Рифагена, высказал следующие замечания:

"Связь между статьей 14 и процедурной гарантией обязательной юрисдикции Международного Суда, предложенной в 1986 году, не выдержит испытания политическими реальностями. Такое разбирательство с помощью третьей стороны, несомненно, следует приветствовать; некоторые даже могли бы сказать, что его следует рассматривать в качестве неизбежного следствия признания "международных преступлений". Однако давайте будем реалистами: представление о том, что значительная часть государств - членов Организации Объединенных Наций будет готова привлекать Суд к решению вопросов, перечисленных в статье 19, является просто утопичным" (*op. cit.* (сноска 77 выше), p. 307). Решительно возражает против признания Международного Суда в качестве соответствующего органа для решения вопросов о преступлениях Б. Грефрат (*op. cit.* (сноска 58 выше), pp. 168-169).

57. В заключение следует упомянуть об авторах, которые занимают прямо противоположную (или примерно такую) позицию по сравнению с позицией, изложенной в пункте 52 выше; по мнению этих авторов, ни Организация Объединенных Наций (и, в частности, Совет Безопасности), ни какая-либо другая международная организация не имеют - *de lege lata* и в сфере общего права - какой-либо компетенции, будь то исключительной или первичной, в отношении регулирования ответных мер государств, которым был причинен "непрямой" ущерб в результате совершения преступления. Следовательно, они считают, что такие государства сохраняют в полной мере *uti singuli* право на ответные действия, если в этом возникнет необходимость, путем принятия контрмер против государства, совершившего серьезное нарушение обязательств, призванных оберегать основополагающие интересы международного сообщества. Однако следует добавить, что эти же авторы, как правило, также выражают желание решить этот вопрос путем прогрессивного развития, а именно путем наделения необходимыми функциями и полномочиями соответствующих международных учреждений, которые необязательно связаны с каким-либо конкретным органом Организации Объединенных Наций 91/.

58. Имеется мало литературы по вопросу о возможной делимитации сферы действия "санкций", применяемых "организованным международным сообществом" в случае совершения преступления. Некоторые, например, подчеркивают, что меры, согласованные органами Организации Объединенных Наций, ни в коем случае

91/ G. Abi-Saab, *op. cit.* (сноска 68, выше), pp. 148-149; K. Hailbronner, *op. cit.* (сноска 63, выше), pp. 9-10; E. Klein, "Sanctions by International Organizations and Economic Communities", in *Archiv des Völkerrechts*, 1992(30), pp. 102-106; A.J.J. de Hoog, *op. cit.* (сноска 64, выше), pp. 207-211; и аналогично этому B. Simma, "Grundfragen der Staatenverantwortlichkeit in der Arbeit der International Law Commission", in *Archiv des Völkerrechts*, 1986 (24), p. 402. В их число следует, очевидно, включить авторов, которые даже более решительно высказываются за предоставление государствам, понесшим "непрямой" ущерб, возможности прибегать *uti singuli* к контрмерам против государства, виновного в совершении международного преступления (см. сноску 64, выше).

не должны преследовать "карательных" целей 92/. Другие озабочены возможностью принятия коллективных мер, которые в конечном счете могут наносить ущерб интересам "невиновных" государств, а в таком случае необходимо установить обязательство "солидарности". Следует предусмотреть справедливое распределение, путем использования механизмов компенсации, бремени, которое несут государства в результате операций "по введению санкций" 93/. И наконец, иногда вспоминают о том, что жесткость ответных мер "организованного международного сообщества" должна быть соразмеримой с тяжестью преступления, особенно в случае агрессии 94/.

92/ Р.М. Dupuy, op. cit. (сноска 60, выше), p. 184; J. Cardona Lloréns, op. cit. (сноска 64, выше), pp. 331-333, который тем не менее главным образом касается возможности применения в качестве последствия преступления таких "санкций", как, например, исключение из международной организации или приостановление членства в ней.

93/ K. Hailbronner, op. cit. (сноска 63, выше), pp. 12-15; K. Doehring, "Die Selbstdurchsetzung völkerrechtlicher Verpflichtungen" in ZaôRV, 1987 (47), p. 50; J. Delbrück, "International Economic Sanctions and Third States", in Archiv des Völkerrechts, 1992 (30), pp. 92-93 и 96-98. По мнению этих авторов, данные меры полностью запрещены, даже если решение о них принято "организованным международным сообществом", если они наносят ущерб "жизненно важным" или "существенно важным" интересам "невиновных" государств.

94/ Здесь мы ссылаемся не столько на коллективные меры, сопряженные с применением вооруженной силы, как это предусматривается в Главе VII Устава (а более конкретно - статьей 42), которые по общему признанию могут быть осуществлены против государства-агрессора, сколько на другие особо жесткие "санкции" (или, скорее, вероятно, "гарантии неповторения"), которые, по мнению некоторых, если мы их правильно понимаем, "организованное международное сообщество" может с уверенностью принимать в случае агрессии, но не всегда в случае совершения других международных преступлений. Например, Б. Грефрат и М. Мор считают, что "другим конкретным правовым последствием в случае совершения международных преступлений будут возможные ограничения осуществления суверенных прав для обеспечения неповторения преступления. После второй мировой войны эти ограничения приняли форму положений о демилитаризации, создании демилитаризованных зон, запрещении определенных видов оружия, в частности оружия массового уничтожения, и некоторых видов ракет. Весьма сходные положения или, по крайней мере, тот же подход можно найти в резолюции 687 (1991)". В частности, процедуры проверки, установленные в силу этой резолюции, "выходят далеко за пределы того, что до настоящего времени применялось МАГАТЭ или что предусматривалось в проекте конвенции против химического оружия. Процедуры контроля и проверки, несомненно, являются частью санкций и правовых последствий, применяемых Советом Безопасности для обеспечения неповторения агрессии. Их можно понимать как ограничение осуществления суверенных прав, и они обоснованы в качестве правового последствия в случае совершения преступления агрессии" (op. cit. (сноска 63, выше), pp. 127-128)) (подчеркнуто нами).